

ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ЧУЖИЕ ДОГОВОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДЕЛИКТНОМ ПРАВЕ

Хорошо известный континентальным правопорядкам принцип относительности обязательств, а также англо-американская доктрина *privity of contract* подразумевают, что договор связывает стороны, его заключившие. Правовые ожидания кредитора относятся лишь к действиям должника. Третьи лица остаются вне его досягаемости. Зачастую этого довода достаточно для обоснования невозможности нарушения обязательства третьим лицом, в нем не участвующим, а значит, и отсутствия предпосылок для возложения на такое лицо какой-либо ответственности.

Страны общего права, однако, довольно давно отошли от столь строгого понимания данной догматической конструкции, некоторые континентальные правопорядки при определенных обстоятельствах также делают похожее исключение.

Речь идет о так называемом вмешательстве в чужие договорные отношения и возможности предъявить деликтный иск к лицу, действия которого привели к нарушению должником принятого на себя обязательства. Обозначенный деликт имеет вековую историю и знаком большинству иностранных правопорядков, каждый из которых при этом исходит из собственного доктринального обоснования ответственности делинквента¹.

1. Деликт из побуждения к нарушению договора (*inducing breach of contract*) в английском праве

Побуждение к нарушению договора в странах общего права входит в группу так называемых экономических деликтов (*economic torts*). Существуют различные мнения относительно их природы: одни исследователи считают их частью более широкого принципа

¹ «Каждому правопорядку известны случаи подстрекательства одним лицом другого нарушить договор с третьей стороной» (*Цвайгерт К., Кётц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. В 2 т. Т. 2 / Пер. с нем. М.: Междунар. отношения, 1998. С. 396).

prima facie ответственности за намеренное причинение вреда¹, другие находят, что они основаны на теории вторичной² или акцессорной ответственности. Последние публикации отвергают данные подходы, их авторы полагают, что во главе угла должна стоять основная задача экономических деликтов – поддержание неприкосновенности конкурентного процесса³, а основной целью в данной сфере становится выявление защищаемых деликтным правом интересов, видов вмешательства, которые следует рассматривать как незаконные, и оправдательных возражений (*justification*), которые право будет считать приемлемыми.

В системе отдельных поименованных деликтов (*nominated torts*) общего права деликт из побуждения (склонения, подстрекательства) к нарушению договора (*inducing breach of contract*) был квалифицирован в качестве самостоятельного еще в 1853 г. в известном деле *Lumley v. Gye*⁴.

Известная оперная певица Йоханна Вагнер заключила договор, в соответствии с которым обязалась выступать исключительно на сцене Театра Ее Величества. Ответчик убедил Мисс Вагнер расторгнуть ее договор и «переманил» певицу в оперный театр Ковент-Гарден. Хозяин первого театра обратился с иском о взыскании убытков к своему более удачливому конкуренту. Суд королевской скамьи (*Queen's Bench Division*) большинством постановил, что такой иск возможен⁵.

Данный прецедент под лупой изучался многими исследователями, ведь выводы суда ставили под сомнение незыблемую доктрину договорной связи (*privity of contract*) и свободу конкурентной борьбы. Его истоки видят в римском праве, где отец семейства (*paterfamilias*) мог подать иск против любого лица, причинившего вред членам его семьи⁶,

¹ *Stilitz D., Sales P.* Intentional Infliction of Harm by Unlawful Means // *Law Quarterly Review*. 1999. Vol. 115. P. 435.

² *Sales P.* The Tort of Conspiracy and Civil Secondary Liability // *Cambridge Law Journal*. 1990. Vol. 49. P. 491.

³ *Deakin S., Randall J.* Rethinking the Economic Torts // *Modern Law Review*. 2009. Vol. 72(4). P. 520.

⁴ *Lumley v. Gye*, 118 Eng. Rep. 749 (Q.B. 1853).

⁵ Дело *Lumley v. Gye* было третьим в серии дел, возбужденных против владельцев конкурирующих театров. В предшествующих делах, на которые ссылался ответчик (*Ashley v. Harrison*, 170 Eng. Rep. 276 (K.B. 1793); *Taylor v. Neri*, 170 Eng. Rep. 393 (C.P. 1795)), иск не предоставлялся, так как последствия были сочтены слишком отдаленными.

⁶ В раннем римском праве только отцу семейства полагался *actio iniuriarum*. Оскорбление членов его семьи было лишь еще одной формой оскорбления *paterfamilias*. Постепенно с обретением определенной степени независимости они получили самостоя-

а самая тесная связь прослеживается с исками раннего общего права о вмешательстве в отношения землевладелец-арендатор (*landlord-tenant*)¹ и хозяин-слуга (*master-servant*)², возникновение которых связывают с отсутствием адекватной правовой защиты для кредитора в иске против непосредственно должника.

Встречаются даже исследования в области теории социального пола, которые отводят главенствующее значение гендерному факту в решении по делу *Lumley v. Gye*, а потому считают глобальной ошибкой отнесение такого деликта к экономическим: дескать, роль стороны, нарушившей договор, была проигнорирована судом лишь по причине того, что ею являлась женщина, а на не участвующее в договоре третье лицо была возложена ответственность, так как спор касался двух мужчин. Акцент при этом ставится на ущемление автономии женщин, в том числе свободы распоряжения своим собственным трудом, что продолжает традицию, заложенную в ранних делах о запрете принятия чужих рабов, жен и дочерей³.

Однако более вероятно, что предпосылками к такому решению суда опять-таки послужили определенные затруднения в восстановлении интересов кредитора каким-либо иным образом, в частности невоз-

тельный *actio directa* в отношении причиненного им вреда, но даже в полной зрелости римского права по-прежнему оставался *actio indirecta* — отдельный иск, который отец семейства был вправе подать за нанесенное ему оскорбление путем причинения вреда его жене, его детям или его рабам. См.: *Sayre F.B. Inducing Breach of Contract // Harvard Law Review. 1923. Vol. 36. P. 663.*

¹ Установление правила «*landlord-tenant*» относят к году царствования короля Генриха VII, когда суды признали иск землевладельца против третьего лица, спровоцировавшего его арендаторов оставить арендуемые земли. См.: *Dowling D.C. Jr. A Contract Theory for a Complex Tort: Limiting Interference with Contract Beyond the Unlawful Means Test // University of Miami Law Review. 1986. Vol. 40(2). P. 495* (цит. по: *Varadarajan D. Tortious Interference and the Law of Contract: The Case for Specific Performance Revisited // Yale Law Journal. 2001. Vol. 111. P. 742*).

² «Поскольку отношения *master-servant* были основным структурным звеном феодальной экономики и социальной иерархии, ограничения в отношении переманивания служащих имели социальные последствия, защищая интересы отдельных мастеров» (*Danforth J. Tortious Interference with Contract: A Reassertion of Society's Interest in Commercial Stability and Contractual Integrity // Columbia Law Review. 1981. Vol. 81(7). P. 1509*). В результате средневековой эпидемии чумы предложение рабочей силы стало уменьшаться, конкуренция за работников — возрастать. В ответ на это в 1349 г. Парламентом был принят Закон о работниках (*Statute of Labourers*), который под страхом тюремного заключения не позволял чернорабочим изменять место службы и давал хозяину право на иск к лицу, переманившему его работника. См.: *Varadarajan D. Op. cit. P. 743; Sayre F.B. Op. cit. P. 665.*

³ *Swan S. A New Tortious Interference with Contractual Relations: Gender and Erotic Triangles in Lumley v. Gye // Harvard Journal of Law & Gender. 2012. Vol. 35. P. 167–207.*

можность принуждения к исполнению в натуре (specific performance) применительно к договорам на оказание услуг¹.

Как бы то ни было, знание и прямое побуждение нарушить договор стали признаками деликта, а кредитор в дополнение к средствам защиты, известным договорному праву, получил право на предъявление деликтного иска к третьему лицу (интервенту)².

Вместе с тем выводы суда не были восприняты однозначно, и в сфере подобных экономических деликтов длительное время отмечались непоследовательность судебных решений и отсутствие академического консенсуса в связи с неопределенностью состава (конкретных элементов, которые должны быть установлены) и потенциальной сферы их применения.

Так, в последующих делах судебная практика ушла в сторону выяснения вопросов дозволенности и недозволенности методов и средств, которыми ведется конкурентная борьба, при этом, как правило, суды вставали на сторону ответчиков, отмечая отсутствие в их действиях запрещенных обмана, мошенничества, запугивания и иного недозволенного поведения (*Mogul Steamship Co. Ltd. v. McGregor, Gow & Co.*³; *Allen v. Flood*⁴).

¹ Стоит отметить, что кредитор чуть ранее подавал подобный прямой иск к певице. *Lumley v. Wagner*, 42 Eng. Rep. 687 England (1852): «Суд отказался подвергнуть принудительному исполнению положительное обязательство ответчицы – петь в театре истца, но путем издания судебного приказа о запрете принудил ее к исполнению обязательства не петь в каком-либо ином месте» (*Ансон В.Р. Основы договорного права / Пер. с 18-го англ. изд. А.С. Александровского, А.С. Ахманова, С.М. Рапопорта; под ред. Д.Ф. Рамзайцева. М.: Международная книга, 1947. С. 392*).

² Принцип *Lumley v. Gye* остался в силе, несмотря на то, что в итоге *Gye* выиграл дело, поскольку, по его утверждению, честно (хотя, возможно, необоснованно) полагался на наличие у *Wagner* законного права на расторжение своего контракта с *Lumley*. Судья проинструировал присяжных, что для установления ответственности необходима «заведомость» («scienter») в действиях ответчика, которой присяжные не нашли. См.: *Waddams S.M. Johanna Wagner and the Rival Opera Houses // Law Quarterly Review. 2001. Vol. 117. P. 431* (цит. по: *Katz A. Intentional Interference with Contractual Relations: A Transactional Approach // <https://law.utexas.edu/wp-content/uploads/sites/25/Intentional-Interference-with-Contractual-Relations-October-2012-draft1.pdf>*).

³ *Mogul Steamship Co. Ltd. v. McGregor, Gow & Co.* [1892] AC 25. В решении по делу было отмечено, что ответчики, исключившие истца из бизнеса на судоходной конференции, просто «вели конкурентную войну до победного конца в интересах собственного дела».

⁴ *Allen v. Flood* [1898] AC 1. Работники не смогли добиться привлечения к ответственности руководителя профсоюза, который спровоцировал работодателя на их увольнение, пригрозив возможной «законной» забастовкой. Палата Лордов такое увольнение сочла правомерным, отметив, что при отсутствии одного из установленных экономических деликтов никакая ответственность не может быть наложена только потому,

Затем особое внимание стало уделяться мотиву ответчика. В деле *Quinn v. Leatham*¹ Палата Лордов определила, что сговор или объединение с намерением причинить вред торговле или бизнесу истца, на которые ошибочно² стали распространять принцип, использованный в деле *Lumley v. Gye*, дает последнему право на иск, только если такие действия мотивированы злобой против него. Под злобой, злостностью или злым умыслом (*malice*) понималось желание досадить, причинить вред другому лицу. Однако позднее в деле *Crofter Hand Woven Harris Tweed Co. Ltd. v. Veitch*³ злой умысел был истолкован как отсутствие экономического оправдания (*justification*).

Переломным моментом стало решение 1964 г. по делу *Rookes v. Barnard*⁴, которое стало относить к незаконным средствам чрезмерно широкий перечень. Палата Лордов постановила, что намеренное причинение вреда бизнесу потерпевшего признается деликтом, если ответчик использует незаконные средства: неправомерное действие либо угрозу его совершения, включая угрозу забастовки и угрозу расторжения договора, а не только его нарушения. Если в сговоре или объединении против истца используются подобные «незаконные средства», наличие злого умысла не требуется, и собственные экономические интересы ответчика оправданием не являются.

Такая возможность расширения ответственности и так называемая единая теория (*unified theory*)⁵, которая смешивала различные виды деликтов — побуждение к нарушению договора (*inducing breach of con-*

что экономический ущерб был нанесен умышленно, злостно или несправедливо: «ни одна степень недобросовестности, злонамеренного поведения или нечестности не может сделать поведение, которое было законным само по себе, незаконным».

¹ *Quinn v. Leatham* [1901] AC 495.

² Особое мнение Лорда Линдли «стало основой для последующей чрезмерной (и ошибочно осуществляемой) экспансии сферы применения *Lumley v. Gye* в целях заполнения пробелов в защите, обеспечивающейся экономическими деликтами, в случаях, когда истцу был нанесен ущерб, однако без наличия побуждения ответчиком его контрагента к нарушению договора» (Lord Lindley, *Quinn v. Leatham* [1901] AC 495, [1901] UKHL 2; Lord Hoffman, *OBG v. Allan* [2007] UKHL 21 (цит. по: *Верякина М.Н.* Правовое регулирование экономических деликтов в английском праве: побуждение к нарушению договора и неправомерное вмешательство в осуществление экономической деятельности // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2014. № 2. С. 147)).

³ *Crofter Hand Woven Harris Tweed Co. Ltd. v. Veitch* [1942] AC 435.

⁴ *Rookes v. Barnard* [1964] AC 1129.

⁵ См., например: *Simester A.P.* Winnie Chan, *Inducing Breach of Contract: One Tort or Two?* // *Cambridge Law Journal*. 2004. Vol. 63. P. 132; *Ryan R., Ryan D.* Liability in Tort for Inducing a Breach of Contract // *Quarterly Review of Tort Law*. 2008. Vol. 2. P. 7.

tract) и вмешательство в экономическую деятельность недозволенными средствами (*interference with a business by unlawful means*), привели к распространению экономических деликтов, достигших своего пика в середине 1980-х гг.

В деликте из вмешательства в бизнес действия ответчика должны были быть направлены непосредственно на истца. Это ограничение позволила обойти «единая теория» путем постепенного расширения действия деликта из побуждения к нарушению договора, где такое намерение причинить вред ответчику не требовалось, достаточно было намерения вмешаться в ранее существующие договорные отношения¹.

В результате участились иски от лиц, на которых распространялся эффект от коллективных протестов (*industrial action*), даже если их непосредственной целью эти лица не являлись. Сюда относились дела, связанные с действиями по организации забастовок и бойкотов на предприятиях, которые приводили к неисполнению контрактов поставщиками. Договорные иски к поставщикам были заблокированы оговоркой о форс-мажоре, поэтому их кредиторы стали обращаться с деликтными исками непосредственно к должностным лицам профсоюзов — организаторам данных протестов. Причем наличие деликта усматривалось, несмотря на то, что такие затруднения и препятствия в исполнении договора, вызванные коллективным протестом, тем не менее не всегда составляли его нарушение, ведь поставщик мог быть освобожден от ответственности в силу оговорки о форс-мажоре (*Torquay Hotel Co. Ltd. v. Cousins*²). Кроме того, не требовалось знание содержания договора ответчиком, достаточно, если он в общих чертах был в курсе относительно существования договора и действовал с безрассудным игнорированием последствий своего действия с точки зрения соответствующего вмешательства либо закрывал на них глаза (*reckless*) (*Emerald Construction Co. Ltd. v. Lowthian*³).

Так возник «гибридный» деликт из неправомерного вторжения в договорные отношения (*wrongful interference with contractual relations*), а для достижения успеха в подобных делах о «косвенном вмешательстве в договор» (*indirect interference with contract*) стало достаточно лишь доказательств участия истца в договоре, исполнение

¹ *Deakin S., Randall J.* Op. cit. P. 525.

² *Torquay Hotel Co. Ltd. v. Cousins* [1969] 2 Ch. 106.

³ *Emerald Construction Co. Ltd. v. Lowthian* [1966] 1 WLR 691.

которого затрагивалось соответствующей забастовкой (*Falconer v. ASLEF and NUR*)².

Данное смешение принципов (единая теория) просуществовало до 2007 г., когда в деле *OBG Ltd. v. Allan*³ Палата Лордов провела разграничение между деликтом из побуждения к нарушению договора (inducing a breach of contract) и деликтом из вмешательства в бизнес незаконными средствами (interference with a business by unlawful means)⁴. Ответчиками по делу были конкурсные управляющие, которые, полагая, что их назначение было действительным, прекратили коммерческие договоры между заявителем и его контрагентами. Заявитель после оспаривания назначения данных управляющих стал утверждать, что они, а также назначивший их кредитор совершили деликт посредством противоправного вмешательства в договорные отношения. Изначально иск был удовлетворен, но Апелляционный суд (Court of Appeal) большинством отменил решение на том основании, что ответчики неосознанно и ненамеренно вмешивались в договоры. Палата Лордов отклонила выводы апелляционной инстанции, отметив, что в рассматриваемом деле в принципе отсутствовал факт нарушения или неисполнения какого-либо договора⁵.

Таким образом, наметился возврат к классическому принципу, согласно которому фактическое нарушение договора является непременным условием (sine qua non) для ответственности: «В конце концов существует не деликт из неправомерного вмешательства в договорные отношения (tort of wrongful interference with contractual relations), а лишь деликт из побуждения или склонения к нарушению договора (tort of inducing or procuring a breach of contract)»⁶. Деликт из побуждения к нарушению договора был назван акцессорным по отношению к договорной ответственности должника: не может быть ответственности из данного деликта (вторичная ответственность), пока нет нарушения договора со стороны должника (первичная ответственность).

¹ *Falconer v. ASLEF and NUR* [1986] IRLR 331. В данном деле истец стал случайной жертвой ночной железнодорожной забастовки в Лондоне, при этом не имел бы никаких претензий против *British Rail* по причине наличия исключаящей оговорки в его договоре.

² *Deakin S., Randall J.* Op. cit. P. 526–527.

³ *OBG Ltd. v. Allan* [2008] 1 AC 1.

⁴ *Крылов В.Г., Радченко В.С., Романов А.К.* Деликтные обязательства в английском, французском и немецком праве (научный доклад) // http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2772988.

⁵ *Deakin S., Randall J.* Op. cit. P. 527–528.

⁶ *OBG Ltd. v. Allan*.

Из дела *OBG* также следует, что для деликта из побуждения к нарушению договора необходимо установить в отношении ответчика намерение (intention) спровоцировать нарушение чужого договора¹, пренебрежительного игнорирования наступления таких последствий (reckless) более недостаточно². Как отмечает Лорд Хоффман, мнение которого легло в основу решения по данному делу: «...чтобы нести ответственность за побуждение к нарушению договора, вы должны знать, что вы вызываете нарушение договора. Недостаточно знать, что вы побуждаете к акту, который с точки зрения закона или толкования договора является нарушением. Вы должны понимать, что на самом деле это действие будет иметь такой эффект»³.

При этом нет необходимости устанавливать, что ответчик намеревался причинить вред истцу, как в деликте из вмешательства в экономическую деятельность незаконными средствами (interference with a business by unlawful means). Здесь опять же отмечается возврат к делу *Lumley v. Gye*, в котором ответчик утверждал, что у него не было никакого желания причинять вред истцу, напротив, он имел огромное уважение к Театру Ее Величества, его намерение состояло лишь в том, чтобы улучшить посещаемость в собственном театре.

В целом после решения по делу *OBG Ltd. v. Allan* экономические деликты получили более узкое толкование с учетом так называемого воздерживающегося, или сдержанного, подхода (abstentionist). Исследователи полагают, что суды не планируют более расширять их действие, уступив Парламенту возможность законодательно провести грань между справедливой и несправедливой торговой конкуренцией, а также между справедливой и несправедливой деятельностью профсоюзов⁴.

Итак, с учетом последних обновлений в области экономических деликтов в английском праве для удовлетворения деликтного иска

¹ Такой «уход» и «чрезмерный упор» на изучение психических состояний некоторыми авторами был воспринят критически. См.: *Deakin S., Randall J.* Op. cit. P. 538.

² Из решения по делу *Mainstream Properties Ltd. v. Young*: «если лицо осознанно побуждает сторону нарушить договор в качестве средства для достижения своих целей, оно несет ответственность, даже если его действия вызваны не злобой, а всего лишь стремлением заработать. С другой стороны, если нарушение договора не было средством достижения целей, а просто предвидимым последствием действий лица, оно не несет за это ответственности» (*Будылин С.* Как наказать интервента? Вмешательство в договорные отношения: правовые последствия в странах общего права // http://m-logos.ru/img/Tezisy_S.Budilina_220914.pdf).

³ *OBG Ltd. v. Allan* [2007] UKHL 21, [2008] 1 AC 1 at [39].

⁴ *Steele J.* Tort Law: Text, Cases, and Materials. 3rd ed. Oxford University Press, 2014. P. 103.

из побуждения к нарушению договора должно быть установлено, что ответчик, зная о существовании договора, намеренно уговорил, побудил или склонил контрагента нарушить данный договор с истцом¹. При этом для установления деликтной ответственности необходимы обе предпосылки: нарушение договора и причинение вреда истцу².

Кроме того, у делинквента могут быть свои оправдательные возражения (*justification*), которые отсутствуют у должника по договору. Так, при определенных обстоятельствах вмешательство в чужие договорные отношения является оправданным, если ответчик действовал, преследуя свой легитимный интерес, под которым обычно понимается ранее возникшее или преимущественное право, однако, как отмечается в доктрине, «общее правило в отношении характера этой защиты установить невозможно»³. Зачастую аргументы выдвигаются на основе ранее существовавших договорных обязательств ответчика. В качестве иллюстрации оправдания обычно приводится дело *Edwin Hill & Partners v. First National Finance Corp.*⁴, в котором банк согласился предоставить заемщику дополнительное финансирование при условии, что тот проведет замену архитекторов, привлеченных для работы над финансируемым проектом. Такие действия банка были признаны оправданными.

Нетрудно заметить, что основным эффектом деликта *inducing breach of contract* является расширение влияния договора на третьих лиц. Договор, таким образом, становится более надежным и более привлекательным правовым средством⁵. Деликт используется в целях защиты договорных интересов от возможных «интервентов». Кредитор вправе предъявить как иск из договора к своему контрагенту, так и иск из деликта к вмешавшемуся в договор третьему лицу. При этом причиненный вред может быть «компенсирован только один раз, так как английские суды не поддерживают возмещение убыт-

¹ «Если будет доказано, что компания знала о существующем чужом договоре, но все равно вмешалась в их отношения, подразумевается, что она действовала с намерением вмешаться в эти договорные отношения» (*Антипин Д., Кузьмина М.* Деликты из побуждения к нарушению договора (*tort of procuring a breach of contract*) и незаконного вмешательства (*tort of unlawful interference*) // *Legal Insight*. 2012 № 2(8) (<http://www.gbplaw.ru/news/articles/71116/>)).

² *Steele J.* Op. cit. P. 106.

³ *Clerk & Lindsell on Torts*. 17th ed. Sweet & Maxwell, 1995. P. 1218.

⁴ *Edwin Hill & Partners v. First National Finance Corp.* [1989] 1 WLR 225.

⁵ *Woodward W.J. Jr.* Contractarians, Community and the Tort of Interference with Contract // *Minnesota Law Review*. 1996. Vol. 80. P. 1105.

ков в двойном размере»¹ (*Costain Limited v. Thomas Colledge Wilson & Anor*²).

Представляется также, что именно элементы английского деликта *inducing breach of contract* были положены в основу ст. VI.-2:211 «Вред вследствие побуждения к неисполнению обязательства»³ Модельных правил европейского частного права (Draft Common Frame of References (DCFR)), где особо подчеркивается необходимость установления намерения (умысла)⁴ и возможность оправдания, если интервент действовал с целью защиты своего легитимного интереса.

2. Деликт из вторжения в договор третьего лица (interference with contract) в американском праве

В США рассматриваемый деликт представлен в двух вариантах: вторжение в договор (*interference with contract*) и вторжение в перспективные договорные отношения (*interference with prospective contractual relation*). Основное различие между ними заключается в том, что первый требует вмешательства третьего лица в существующий договор, заключенный между сторонами, в то время как второй защищает предполагаемый договор, заключение которого лишь ожидается сторонами в будущем⁵.

¹ Антипин Д., Кузьмина М. Указ. соч.

² *Costain Limited v. Thomas Colledge Wilson & Anor* [2007] EWHC 713 (QB).

³ «VI.-2:211 Без ущерба для применения других положений настоящего Раздела вред, причиненный лицу вследствие побуждения другого к неисполнению обязательства при помощи третьего лица, является юридически значимым вредом, только если:

(а) обязательство должно было быть исполнено в отношении лица, которому причинен вред; и
(b) лицо, побуждавшее к неисполнению:
(i) намеренно побуждало к неисполнению данного обязательства в отношении потерпевшего; и
(ii) не действовало с целью законной защиты своего интереса».

Перевод ст. VI.-2:211 DCFR дан по: Модельные правила европейского частного права / Пер. с англ.; науч. ред. Н.Ю. Рассказова. М.: Статут, 2013 (СПС «Консультант-Плюс»).

⁴ Простая небрежность ответственности не влечет. См.: Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR) / Ed. by Chr. von Bar, E. Clive, H. Schulte-Nölke. Sellier European Law Publishers, 2009. P. 1360–1363.

⁵ *Interference with prospective contractual relation* или *interference with business expectancy* может также представлять интерес для российского права, особенно в связи с включением положений о преддоговорной ответственности в ГК РФ, но в настоящей работе затрагивается лишь отчасти вследствие ограничений по ее объему. Подробнее о вмеша-